

ЛЕВИЦКИЙ В. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЛЕВИЦКИЙ Владимир Иванович, родился в 1880. Получил высшее юридическое образование, во время учебы давал частные уроки, с 1910 — служил мировым судьей. В 1924 — проживал в Староконстантинове Житомирской области, работал нотариусом в конторе, с 1 сентября 1930 — после закрытия конторы проживал в местечке Черняково Житомирской области, работал защитником в городском суде. Весной 1931 — арестован, приговорен к 5 годам ссылки и в декабре отправлен в Архангельск, работал там на лесозаводе. В ноябре 1932 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<30 ноября 1932>

«Архангельск, Лесозавод "А" им<ени>
Молотова, сменному рабочему
Владимиру Ивановичу Левицкому

Глубокоуважаемая Елена¹ Павловна!

Зная Вашу отзывчивость к чужому горю, я осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбой помочь и мне, а горе у меня немалое. Я знаю, что письмо мое отнимет у Вас достаточно много времени, и все же прошу Вас терпеливо прочесть его до конца и не отказать мне и семье моей в посильной помощи.

Дело в следующем: за преступление, никогда не совершенное мною даже в помыслах, я осужден Суд<ебной> Тройкой ГПУ УССР к высылке в г<ород> Котлас на пять лет. Расправились со мною так жестко органы Житомирского Сектора ГПУ, решительно, без всякого к тому основания, а лишь потому только, что я имел несчастье родиться дворянином. Никогда не пользуясь привилегиями этого сословия (отец мой был бедным канцелярским чиновником, я до 30 лет добывал средства к существованию уроками), и в прошлом — мировой судья. Дабы принудить меня сознаться в том, чего никогда не было по данной мне "канве", меня мучили в Житомирском Секторе ГПУ, заставив простоять без сна трое суток (до обморока) и просидеть четверо суток на высоком табурете. Ни к моему аресту, ни тем более к столь жестокому постановлению, повторяю, не было никаких оснований. Я безукоризненно честно трудился и работал всю свою жизнь, прослужил 22 года в ответственных должностях, знал горе и нужду с детства почти до 30-летнего возраста.

Поводом к моему аресту послужил арест некоей Пржисецкой, в доме которой я часто бывал вместе с арестованным одновременно с Пржисецкой доктором Орловым, живущим в г<ороде> Староконстантинове, где с 1924 г<ода> по 1-е Сентября 1930 г<ода> (до закрытия Нот<ариальной> конторы) я служил нотариусом. Дочь Пржисецкой с мужем Гершельманом, офицером Генерального штаба (сын известного Московского генерал-губернатора), при поляках выехала за границу и жила в Югославии, где Гершельман служил у Николая Николаевича. Пржисецкая переписывалась с дочерью. При массовых арестах в конце 1930 и начале 1931 г<ода> арестована была и Пржисецкая, доктор Орлов, а затем в г<ороде> Житомире, куда я приехал навестить семью из м<естечка> Чернякова, где служил защитником, арестовали и меня. В ГПУ меня, как бы вскользь, допрашивали по указанным выше обстоятельствам. Пржисецкая и Орлов после долгого ареста были освобождены, но их принудили оговорить меня в не содеянном преступлении, так как из всех троих я, как дворянин и бывший

¹ Ошибка в имени Екатерины Павловны Пешковой.

мировой судья, представлял, очевидно, для органов ГПУ малоприятный экземпляр. Таким образом, один лишь я, не совершивший никакого преступления, после моих "признаний", данных под влиянием психического, физического и морального насилия по данной мне "канве", соответственно с оговорами Пржисецкой и Орлова, — оказался пострадавшим, один лишь я заклеямен позором по обвинению в тягчайшем преступлении. После целого ряда страданий и унижений, равносильных пытке (меня заставили сознаться в том, что я якобы член контрреволюционной организации, вербовал в организацию других людей, занимался вредительством), я выслан на далекий север России в Архангельский край, где с декабря прошлого года я в тяжелой обстановке работаю в качестве простого рабочего. О том, в каких условиях приходится здесь жить и работать, о том, какие нравственные страдания я перенес и за себя, и за семью, благодаря столь несправедливому, незаслуженному наказанию, не стоит и говорить. Мне всего 52 года, а я уже слабый, полуслепой и полуглухой старик, с больным сердцем. Недавно (24-го сего месяца) медицинской комиссией я признан способным лишь к легким работам, а так как таковых здесь на лесозаводе нет, то меня в числе других, вероятно, в скором времени отправят в распоряжение ГПУ, где, вероятно, дадут мне право "свободно" жить в г<ороде> Архангельске и также свободно умереть от голода, ибо кому нужен неспособный к труду старик, да еще высланный за преступление против Советской власти. И до настоящего времени я все еще не знаю, в чем я признан виновным. Я "сознался", что я — член украинской к<онтр>-р<еволюционной> организации СВУ, затем что я — член какой-то другой украинской преступной организации (по оговору, на очной ставке Орлова) и, наконец, мне предложили признаться, что я — член офицерской организации, постановление же Суд<ебной> Тройки гласит, что я признан виновным по ст<атье> 54-11 Угол<овного> Код<екса> УССР.

В январе текущего года мною послана просьба о помиловании в Комиссию по делам частной амнистии при ВЦИК'е с приложением письма на имя председателя комиссии Сольца, в котором в довольно резкой форме я выразился о действиях органов ГПУ. Несмотря на посланное в апреле 32 г<ода> заявление с оплаченным ответом с просьбой уведомить меня о результате просьбы о помиловании, ответа я не получил. Не скрою от Вас еще одного обстоятельства. В октябре прошлого года из Прилукской Коммуны ГПУ я послал два заявления о пересмотре дела — одно в особую Коллегию ГПУ УССР, а другое, с указанием на незаконные действия органов ГПУ, — на имя Прокурора республики; лишь от последнего получил ответ, что просьба моя оставлена без последствий, и тем самым, стало быть, действия органов ГПУ признаются Прокурором законными.

Прилагая при сем вторичную просьбу о помиловании, я прошу Вас, Елена Павловна, передать таковую по назначению и всеми мерами поддержать мое ходатайство. Этим Вы сделаете не только доброе дело — спасете меня и детей моих от позора, но и поможете Сов<етской> власти, которой Вы честно служите, как честно служил, поверьте мне, и я, исправить ошибку. Просите ВЦИК о скорейшем пересмотре моей просьбы и о результате не откажите в любезности меня уведомить.

В. Левицкий.

30/XI 1932 г<ода>»².

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 825. С. 20-22. Автограф.